

УДК 82-524

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-5-106-112

«СВЕТЛЕЙШИЙ МЕЖДУ РОССИЯНАМИ»: ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ КОМПЛЕКСА НАДГРОБНЫХ СЛОВ НА СМЕРТЬ Г. А. ПОТЁМКИНА

Парамонова М. К.

Московский городской педагогический университет

129226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр-д, д. 4, к. 1, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Проанализировать три надгробных слова на смерть Г. А. Потёмкина (одно – авторства А. Н. Серебренникова (в монашестве – Амвросий), два – М. Гумилёвского (в монашестве – Моисей)), образующие комплекс тренических произведений.

Процедура и методы. В ходе исследования был проведён художественный анализ произведений, определена композиция слов, описаны ведущие мотивы, показаны связи с культурой, литературой и ораторской прозой XVIII в.

Результаты. Комплекс надгробных слов, посвящённый смерти Г. А. Потёмкина, связан с особенностями погребального обряда князя, который имел три основные географические точки – Яссы, Николаев и Херсон. Проповеди относятся к образцам нравственно-практического красноречия: их отличают понятный язык, небольшой объём и простая структура. Формообразующим ядром произведений выступают эмоции: стихия плача у Амвросия, соболезнование осиротевшим городам и светлая печаль у Моисея. В надгробных словах закрепляется идеальный посмертный образ Потёмкина как сына Отечества, слуги монархини и основателя городов.

Теоретическая и/или практическая значимость. Надгробные слова на смерть Потёмкина не становились ранее объектом отдельного анализа, результаты исследования могут дополнить знания об ораторской прозе конца XVIII в. и проиллюстрировать развитие жанра надгробного слова.

Ключевые слова: риторика, ораторская проза, надгробное слово, похоронная речь, похороны

“HIS SERENE HIGHNESS BETWEEN RUSSIANS”: ARTISTIC ORIGINALITY OF A SERIES OF EULOGIES IN TRIBUTE TO GRIGORY POTEMKIN

M. Paramonova

Moscow City University

Vtoroi Selskokhozyaistvennyi proezd 4, Moscow 129226, Russian Federation

Abstract

Aim. The purpose is to analyze three eulogies in tribute to Grigory Potemkin (one sermon by Amvrosii Serebrennikov and two sermons by Moisei Gumilevskii), which form a series of threnodic works.

Methodology. An artistic analysis is performed, the composition of sermons and leading motifs are described, and links with the culture, literature and oratory of the XVIII century are shown.

Results. The series of eulogies in tribute to Grigory Potemkin are connected with the peculiarities of the prince's funeral rite, which had three main geographical points – Jassy, Nikolaev and Kherson. Sermons are the examples of moral and practical eloquence: They have clear language, small volume and simple structure. Emotions are the basis of the works: Crying prevails in Amvrosii's speech, while condolences to orphaned cities and bright sorrow dominate in Moisei's works. The eulogies fix the ideal posthumous image of Potemkin – the son of the Fatherland, the servant of the monarch and the founder of cities.

Research implications. The reviewed eulogies have never been an object of a separate analysis. The results of the study can complement the knowledge of the late 18th century oratory prose and illustrate the development of funeral speech.

Keywords: rhetoric, oratorical prose, eulogy, funeral oration, funeral

Введение

Личность Григория Александровича Потёмкина (1739–1791) – одна из самых выдающихся во второй половине XVIII в. Государственный и военный деятель, фаворит Екатерины II, он был самым влиятельным в России человеком своего времени. На его кончину написано несколько произведений, в том числе три надгробных слова, которые образуют единый панегирический комплекс. Надгробные слова на смерть Г. А. Потёмкина хорошо отражают эволюцию жанра в XVIII в.: если в Петровское время похоронная речь была значительной по объёму и строилась как фундаментальная проповедь о жизни и смерти, то к концу столетия она перестала быть средоточием сложной дидактики и богословских рассуждений, организационным центром проповеди стали чувства и эмоции.

Похороны Г. А. Потёмкина

Для понимания состава комплекса необходимо описать ритуал похорон Г. А. Потёмкина.

24 июля 1791 г. Г. А. Потёмкин выехал из Царского села в Яссы – город Молдавского княжества – здесь планировалось проведение мирных переговоров с Османской империей, которые должны были положить конец русско-турецкой войне 1787–1791 гг. Военачальник прибыл в Яссы уже в болезненном состоянии, а к началу осени его здоровье заметно ухудшилось. 4 октября, находясь практически при смерти, Г. А. Потёмкин приказал покинуть Яссы и отвезти его в Николаев. Неожиданное решение можно объяснить приездом оберкригс-комиссара М. Л. Фалеева, соратника Г. А. Потёмкина, оканчивавшего в это время работы по построению Николаева [2, с. 226]. Рассказы полковника М. Л. Фалеева

о новом городе побудили Г. А. Потёмкина выдвинуться в путь, однако князь скончался в дороге, и его тело было возвращено в Яссы.

С 5 до 11 октября прах Г. А. Потёмкина был помещён в монастыре Голии, а затем перенесён в печальную залу, подготовленную за этот срок. Тело фельдмаршала было доступно для прощания два дня, а 13 октября гроб князя в сопровождении траурного шествия был отвезён обратно в монастырь Голии. Обряд отпевания провёл архиепископ Амвросий (Серебренников), ему принадлежит первое надгробное слово на смерть Потёмкина.

Несмотря на то, что торжественное прощание прошло в Яссах, Екатерина II приказала похоронить князя в Херсоне. Императрица постановила: «Тело покойного князя надлежит перевезть в Херсон, и там его погребить со всеми подобающими степени и заслугам его почестями; но буде он при жизни завещал похоронить себя в Николаеве, в таком случае воля его исполнена быть должна»¹. Никакого письменного изъявления воли князя не было, и 9 ноября 1791 г. траурный кортеж выехал из Ясс в Херсон.

Маршрут кортежа изначально проходил степью в объезд Николаева, однако благодаря вмешательству архиепископа Амвросия был изменён. Архиепископ повелел Фалееву организовать в Богоявленске отпевание над телом усопшего.

Кортеж с телом прибыл 16 ноября, а через пять дней специально приехавший для этого епископ Моисей (Гумилёвский) отслужил над князем литургию и панихиду, а также произнёс над гробом слово, впоследствии получившее название «II цело-

¹ Бумаги Г. А. Потёмкина-Таврического. 1790–1793 гг. СПб.: Изд. Военно-учёного комитета гл. штаба, 1895. С. 262.

вание Моисея епископа Феодосийского и Мариупольского».

22 ноября кортеж подошёл к Херсону, встречать тело князя вышли «военные чины армии и флота, чиновники, горожане и поселяне из окрестных деревень» [4, с. 90]. На следующий день Моисей ещё раз отслужил литургию, панихиду и произнёс последнее слово – «III целование». Тело светлейшего завершило путешествие и было помещено в склеп под Екатерининским собором.

Состав тренического комплекса

Следуя логике погребального обряда, имевшего три основные географические точки – Яссы, Николаев и Херсон, выделяется следующий комплекс надгробных слов:

– «В Бозе почившему светлейшему князю Григорию Александровичу Потёмкину-Таврическому при совершении надгробного пения в Яссах, в монастыре Голии, в церкви Вознесения Господня, 13 октября 1791 года (Последнее целование Амвросия архиепископа Екатеринославского и Херсониса Таврического, и ексархи Молдовлахийския местоблюстителя);»

– «В Бозе почившему светлейшему князю Григорию Александровичу Потёмкину-Таврическому, по сретении гроба из Ясс и перенесении в Херсон в Николаеве, в церкви градской сего же имени, 21 ноября 1791 года (II целование Моисея епископа Феодосийского и Мариупольского);»

– «В Бозе почившему светлейшему князю Григорию Александровичу Потёмкину-Таврическому: При совершении последнего надгробного пения в Херсоне, в соборной церкви святыя Екатерины, где и положен под спудом, 23 ноября 1791 года (III целование Моисея епископа Феодосийского и Мариупольского)».

Все произведения имеют одинаковую структуру названия, указывающую на место, время, автора и обстоятельства произведения.

Необходимо отметить, что, начиная со «Сводного каталога русской книги гражданской печати XVIII века.

1725–1800» (1962), в литературном наследии Амвросия фигурирует ещё один памятник, связанный со смертью Г. А. Потёмкина, – «Слово надгробное, сочинённое преосвященным Амвросием архиепископом Екатеринославским и Херсонеса-Таврического при погребении в Бозе почивающего светлейшего князя Григория Александровича Потёмкина-Таврического» (Яссы, 1791, № 129)¹. Сверка двух памятников – «Последнего целования» (Яссы, 1791) и «Слова надгробного» (Яссы, 1791) – показала, что это одно и то же произведение, различия в тексте незначительны и ограничиваются разным написанием одних и тех же слов (например, «злочастиях» / «злощастиях») и расстановкой знаков препинания. Название «Слова надгробного» расходится с обстоятельствами похоронного обряда князя – Г. А. Потёмкин не был погребён в Яссах. Можно сделать предположение, что слово было напечатано непосредственно после панихиды, а затем уже повторно издано с более подходящим заглавием – «Целование последнее», которое стало образцом при печати слов Моисея.

Таким образом, комплекс тренических слов состоит только из трёх, перечисленных выше.

Образ Г. А. Потёмкина в надгробных словах

Архиепископ Амвросий (Серебренников) (1749–1792) – автор первого надгробного слова Г. А. Потёмкину – был образованным иерархом церкви, автором нескольких поэтических, прозаических и ораторских произведений, а также «Краткого руководства к оратории российской...» (1778).

Амвросий пользовался особенным благоволением Г. А. Потёмкина. В 1786 г. он стал архиепископом Екатеринославским и Херсонес-Таврическим, сопровождал

¹ Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века: в 5 т. Т. 1: 1725–1800. М.: Издание Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, 1962. С. 34.

русскую армию в русско-турецкой войне 1787–1791 гг., а в 1789 г. по ходатайству «светлейшего князя» был поставлен местоблюстителем Молдо-Влахийского экзархата. Амвросий был духовником князя, присутствовал при его последних минутах и проводил отпевание. Сохранился ироничный отзыв современника Г. А. Потёмкина Н. Н. Бантыш-Каменского (1737–1814) на надгробное слово Амвросия. Отправляя текст князю А. Б. Куракину, он писал: «Если и лишек приметите, то судите по сильной его к покойному привязанности. Он благодетельствован был от покойного бесконечно: следовательно ... и пел о нём громко»¹.

Смерть Г. А. Потёмкина стала для Амвросия трагедией. Надгробное слово князю лишено шаблонности, сам оратор сразу подчёркивает свой отказ следовать установленному риторическому канону. Он обращается к собравшимся: «не ожидайте днесь от меня ни витийства, ни изчисления достохвальных свойств и дел усопшего ..., ни утешения каковое обыкновенно подобные мне Пастыри, в подобных мне злощастиях, тщатся подавать сетующим»². По собственному признанию, Амвросий еле удерживается, чтобы «не составить всего настоящего обращения моего к вам из единых слёз»³.

Прощание с Г. А. Потёмкиным приобретает очень личный характер также благодаря первому лицу. Автор обращается к печальному собранию от своего имени, делясь со всеми благодарностями, скорбью и слезами: «измеряя вашу чувствительность моей, и ваши знания моими, не сомневаюсь, что понимаете вы всю тяжесть удара»⁴. Настроение слова и использо-

вание первого лица объединяют его со «Словом на погребение великой княгини Натальи Алексеевны» Платона Левшина, где искренняя симпатия автора к усопшей также является организующим элементом.

Несмотря на отказ от развёрнутой похвалы, автор всё-таки кратко упоминает заслуги почившего, традиционно отмечая его как слугу Отечества, воина и христианина. Интересны номинации, которые присваивает Амвросий Г. А. Потёмкину: он называет его отцом воинства, сыном церкви, советником и другом монархини, саму же Екатерину II, к которой обращается с кратким словом утешения, – «великодушшой матерью отечества»⁵. Эти «семейные» наименования переключаются друг с другом, подчёркивая близость Екатерины и Г. А. Потёмкина.

Последняя часть слова – обращение к почившему князю. Амвросий прощается с ним («Прости, Светлейший и любезнейший князь! ... Прости! И ещё прости в последний раз»⁶). Завершают слово традиционная надежда, что в загробной жизни князь займёт достойное место рядом со святыми, и обещание молиться об этом.

Лаконичность, простота и эмоциональность характерны для речей Амвросия как представителя нравственно-практического направления проповеди, однако в данном случае это не столько художественное решение, сколько отражение личных переживаний оратора. Экспрессия становится центром надгробного слова, «формообразующим элементом структуры» [3, с. 260], не зря Евгений Болховитинов назвал речь Амвросия «образцом трогательного красноречия»⁷.

Автор второго и третьего слов тринадцатого цикла – епископ Моисей (Гумилёвский) (1747–1792). Он так же, как и Амвросий, был просвещённым деятелем церкви, преподавал в Славяно-греко-

¹ Бантыш-Каменский Н. Н. Московские письма в последние годы Екатерининского царствования // Русский архив. 1876. Кн. 3. Вып. 11. С. 270.

² Амвросий (Серебрянников). В Бозе почившему светлейшему князю Григорию Александровичу Потёмкину-Таврическому при совершении надгробного пения в Яссах, в монастыре Голии, в церкви Вознесения Господня, 13 октября 1791 года, последнее целование. Яссы: Походная типография Г. А. Потёмкина, 1791. С. 1–2.

³ Там же. С. 1.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 3.

⁶ Там же С. 3–4.

⁷ Евгений (Болховитинов). Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-русской церкви. СПб.: В типографии Н. Греча, 1818. С. 25.

латинской академии и разделял основные принципы нравственно-практической проповеди.

«II и III целования» Моисея представляют собой довольно необычное явление среди надгробных слов, оба обращены не к абстрактному печальному собранию или к близким почившего, а к городам, в которых проходила панихида. Так же, как и слово Амвросия, они написаны от лица оратора. Первая речь адресована «юному Николаеву»¹, а вторая – «знаменитому граду Херсонису»². Молодые города занимают место родных Г. А. Потёмкина, они одновременно его наследники и наследство, поэтому Моисей обращается к ним со словами скорби и утешения.

Одушевление города – основной приём во втором надгробном слове. Моисей называет Потёмкина «породителем» и «родителем»³ Николаева, а сам город, лишённый основателя, сиротой. Оратор вспоминает, что именно сюда князь хотел отправиться в последние минуты жизни, и описывает этот трогательный, но обречённый на неудачу порыв: «Ему представлялось, что самая смерть, возрев на твою нежную юность, а его къ тебе горячность, умякнетъ, и опуститъ подъятую на него косу свою изъ ослабшихъ рукъ»⁴. Г. А. Потёмкин скончался, так и не попав в любимый Николаев, теперь город может лишь «омыть его сыновыми слезами»⁵.

Мотив строительства является ведущим в слове, он основывается на противопоставлении «прежде – ныне»: раньше на месте города была пустыня, «былия и волчца», а сейчас возведены великолепные здания; раньше «рыбарская ладия едва среталась взору», теперь построен «целый флот, сооруженный в защите-

ние южного края России»⁶. Риторический приём противопоставления прошлого и настоящего был разработан в ораторской прозе первой трети XVIII в., особенно в творчестве Феофана Прокоповича⁷, а градостроительство и основание флота – традиционные подвиги Петра I. Например, М. В. Ломоносов начинает героическую поэму «Пётр Великий» следующими строчками:

*Пою премудрого российского Героя,
Что грады новые, полки и флоты строя,
От самых нежных лет со злобой вёл войну,
Сквозь страхи проходя, вознёс свою страну...»⁸*

В публицистике и литературе того времени Пётр I изображался первым и главным патриотом России, «именно на примере высказываний и деятельности Петра Великого “отрабатывается” русский вариант патриотизма начала XVIII века» [1, с. 44]. Автор не сравнивает Г. А. Потёмкина с Петром напрямую, но и не может приравнять его к рядовому сыну Отечества. Г. А. Потёмкин так же, как и император, герой и демиург, что находит отражение в речи.

Последнее надгробное слово Г. А. Потёмкину открывается словами: «припело плачевное время предати земли тело Светлейшего Князя Григория Александровича»⁹. Последний путь князя, длившийся две недели, завершился в Херсоне. Тело в христианстве не представляет ценности, «оно земля, и всегда должно возвратиться в место своё»¹⁰, однако Моисей отмечает, что «жаль и с сею землею разстаться: ибо оно обносило в себе

¹ Моисей (Гумилевский). В Бозе почившему светлейшему князю Григорию Александровичу Потёмкину-Таврическому, по сретении гроба из Ясс и перенесении в Херсон, II целование. М.: Университетская типография у В. И. Огорокова, 1792. С. 2.

² Там же. С. 3.

³ Там же. С. 2.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 3.

⁷ Евгений (Болховитинов). Словарь исторический о бывших в России писателях духовнаго чина греко-русских церкви. СПб.: В типографии Н. Греча, 1818. С. 259.

⁸ Ломоносов М. В. Избранные произведения. Л.: Советский писатель, 1986. С. 282.

⁹ Моисей (Гумилевский). В Бозе почившему светлейшему князю Григорию Александровичу Потёмкину-Таврическому, при совершении последнего надгробного пения в Херсоне, III целование. М.: Университетская типография у В. И. Огорокова, 1792. С. 2.

¹⁰ Там же.

чрезь пятьдесят два года драгоценнейшую Россиянамъ душу»¹. Утверждение ценности тела, которое любезно, «как бываетъ намъ тотъ домъ, въ которомъ обиталъ нашъ другъ», и важно, как «ковчегъ, сохранявший какое-либо изящное сокровище»², крайне необычно для православной риторики. Возможно, автор объяснял так беспрецедентные почести, которые были отданы уже почившему и неоднократно отпетому князю.

Среди бессмертных памятников, которые заслуживает Г. А. Потёмкин, по мнению оратора, первым и знаменитейшим является сам Херсон, к которому Моисей обращается в финале слова. Он объединяет город и его создателя, чтобы они были «вечной славой»³ друг другу, тем самым вновь возвращаясь к Петру I, который также навсегда прославлен в своём творении – Санкт-Петербурге.

Заключение

Надгробные слова Г. А. Потёмкину выносятся из череды парадных надгробных портретов светских и военных деятелей, созданных в течение столетия. Заслуги

Г. А. Потёмкина и его роль в государстве были настолько беспрецедентными, что их нельзя было уложить в рамки сформировавшегося канона. Амвросию и Моисею пришлось выбирать для неординарной личности необычные художественные приёмы: первый построил надгробное слово вокруг собственного переживания, а второй – на обращении к городам, монументальным памятникам, созданным Г. А. Потёмкиным. Источником вдохновения для ораторов стали русские императоры: строительство сближало Г. А. Потёмкина с Петром I, а общие замыслы – с Екатериной II.

Все три слова, несмотря на очень небольшой объём, являются образцами нравственно-практического красноречия. Они лишены конкретных подробностей, т. к. все заслуги умершего ещё свежи в памяти, поэтому их центром становятся эмоции: стихия плача у Амвросия, соболезнование осиротевшим городам и светлая печаль у Моисея.

Статья поступила в редакцию 27.08.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агеева О. Г. К вопросу о патриотическом сознании в России первой четверти XVIII века // *Мировосприятие и самосознание русского общества (XI–XX вв.): сборник статей*. М.: Наука, 1994. С. 38–58.
2. Брикнер А. Г. Потемкин. СПб.: Издание К. Л. Риккера, 1891. 276 с.
3. Буранок О. М. *Русская литература XVIII века: Петровская эпоха. Феофан Прокопович: учебное пособие*. М.: Флинта: Наука, 2003. 333 с.
4. Кухар-Онышко Н. А., Пиворович В. Б. *Жизнь и смерть светлейшего князя Потемкина Григория Александровича*. Николаев: Возможности Киммерии, 2002. 144 с.

REFERENCES

1. Ageeva O. G. [On Patriotic Consciousness in Russia in the First Quarter of the 18th Century]. In: *Mirovospriyatie i samozoznanie russkogo obshchestva (XI–XX vv.)* [World Perception and Self-awareness of Russian Society (11–20th centuries)]. Moscow, Nauka Publ., 1994, pp. 38–58.
2. Brikner A. G. *Potemkin* [Potemkin]. St. Petersburg, K. L. Rikker's Publ., 1891. 276 p.
3. Buranok O. M. *Russkaya literatura XVIII veka: Petrovskaya epokha. Feofan Prokopovich* [Russian Literature of the 18th century: Peter's Era. Feofan Prokopovich]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2003. 333 p.
4. Kukhar-Onyshko N. A., Pivorovich V. B. *Zhizn' i smert' svetleishego knyazya Potemkina Grigoriya Aleksandrovicha* [Life and Death of His Serene Highness Prince Potemkin Grigory Aleksandrovich]. Nikolaev, Vozmozhnosti Kimmerii Publ., 2002. 144 p.

¹ Моисей (Гумилевский). В Бозе почившему светлейшему князю Григорию Александровичу Потёмкину-Таврическому, при совершении последняго надгробнаго пения в Херсоне, III целование. М.: Университетская типография у В. И. Огорокова, 1792. С. 2.

² Там же.

³ Там же.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Парамонова Мария Константиновна – соискатель кафедры русской литературы Московского городского педагогического университета, специалист Проектной научно-исследовательской лаборатории инновационных средств обучения русскому языку Государственного института русского языка имени А. С. Пушкина;
e-mail: paramonovamk@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mariia K. Paramonova – External Postgraduate Student, Moscow City University, Specialist of Innovative Russian Language Tutorials Laboratory, Pushkin State Russian Language Institute;
e-mail: paramonovamk@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Парамонова М. К. «Светлейший между россиянами»: художественное своеобразие комплекса надгробных слов на смерть Г. А. Потёмкина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. № 5. С. 106–112.
DOI: 10.18384/2310-7278-2021-5-106-112

FOR CITATION

Paramonova M. K. “His Serene Highness Between Russians”: Artistic Originality of a Series of Eulogies in Tribute to Grigory Potemkin. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2021, no. 5, pp. 106–112.
DOI: 10.18384/2310-7278-2021-5-106-112